

артур

ШОПЕНГАУЭР

ф и л о с о ф и я н а п а л ь ц а х

артур

ШОПЕНГАУЭР

феномен воли

с комментариями и объяснениями

хрестоматия

издание подготовлено Александром Чанышевым

АСТ
Москва

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Ш79

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

В оформлении переплета использовано фото архива Shutterstock

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии
Александра Чанышева

Перевод с немецкого *Юрия Айхенвальда*

Шопенгауэр, Артур

Ш79 Феномен воли : с комментариями и объяснениями / Артур Шопенгауэр; сост., предисл., коммент. А. Чанышева, пер. Ю. Айхенвальда. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 320 с. – (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-097323-1

Серия «Философия на пальцах» впервые предлагает читателю совершить путешествие по произведениям известных философов в сопровождении «гидов» – ученых, в доступной форме поясняющих те или иные «темные места», раскрывающих сложные философские смыслы. И читатель все больше и больше вовлекается в индивидуальный мир философа.

Так непростые для понимания тексты Артура Шопенгауэра становятся увлекательным чтением. В чем заключается «воля к жизни» и «представление» мира, почему жизнь – это трагедия, но в своих деталях напоминает комедию, что дает человеку познание, как он через свое тело знакомится с окружающей действительностью и как разгадывает свой гений, что такое любовь и отчего женщина выступает главной виновницей зла...

Философия Шопенгауэра, его необычные взгляды на человеческую природу, метафизический анализ воли, афористичный стиль письма оказали огромное влияние на З. Фрейда, Ф. Ницше, А. Эйнштейна, К. Юнга, Л. Толстого, Л.Х. Борхеса и многих других.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-097323-1

© А.А. Чанышев, составление, предисловие,
преамбулы к текстам, комментарии, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пессимизм Шопенгауэра – философия надежды

Жизненный путь и судьба философии

Артур Шопенгауэр родился 22 февраля 1788 г., в Данциге (Гданьске) в состоятельной купеческой семье. Отец философа Генрих Флорис Шопенгауэр (1747–1805), хотя и бывал неуравновешен (вспыльчив и склонен к депрессии), однако имел репутацию добропорядочного, открытого, независимого в своих суждениях человека и честного коммерсанта. Его мать Иоганна Генриетта Шопенгауэр (1766–1823), дочь сенатора Трозинера, обладала склонностью к изящным искусствам и занималась литературным творчеством (итоговое издание собрания ее сочинений составило 24 тома, 1830–31¹). В детстве будущий философ не получил систематического образования. Его отец, желая видеть в нем продолжателя своего дела, сначала отправляет девятилетнего сына в Гавр, где Артур прожил два года в семье отцовского друга и партнера. После непродолжительного пребывания в гамбургской частной школе мальчика берут в путешествие по Европе в образовательных целях. Это путешествие убедило его в бесполезности изучения «одних только слов» и благотворности знакомства «с самими вещами». Затем в 1805 г. по решению отца Артур был отдан в крупную гамбургскую фирму для обучения торговому делу, к чему он вовсе не испытывал влечения. Однако после смерти отца (к нему Шопенгауэр-младший до конца своих дней питал чувство любви и благодарности за редкое счастье быть независимым и обеспеченным), мать позволяет ему получить университетское образование. После подготовки при городских гимназиях Готы и Веймара Артур становится студентом-медиком Гёттингенского университета (1807), а через полгода, не оставляя изучения медицины, переводится на философский факультет, где с особым усердием штудировал Платона и Канта. С 1811 г. Шопенгауэр учится в Берлинском университете, слушает лекции Вольфа по истории греческой и латинской литературы, Шлейермахера – по истории философии, Фихте – по философии, продолжая наряду с этим подготовку в области естественных наук. Докторскую диссертацию «О четвероюм корне закона достаточного основания» он через два года защищает в Иенском университете.

¹ Иоганна Шопенгауэр была известна в XIX в. довольно широкому кругу читателей в Германии как автор записок путешественницы и многочисленных повестей и романов, где сюжетную линию образует трагическая утрата героиней возлюбленного и последующее замужество, в котором она терпит унижения и притеснения от богатого и черствого мужа, в результате чего эта женщина отказывается иметь детей.

В 1814 г. после разрыва с матерью, которой он так и не простил холодно-сти к больному умиравшему отцу, Шопенгауэр поселяется в Дрездене. Здесь он пишет трактат «О зрении и цвете» (по следам веймарских бесед с Гёте) и свое основное произведение – «Мир как воля и представление» – первый том (закончен в марте 1818 г.). В связи с выходом в свет первого тома своего основного произведения Шопенгауэр писал его издателю Фр.А. Брокгаузу: «Мой труд является...новой философской системой, причем новой в полном смысле слова: не подновленное изложение уже существующего, но ряд самым тесным образом связанных между собой мыслей, никогда прежде не приходивших ни в одну человеческую голову». (Сам Шопенгауэр понимал под абсолютной новизной своей философии попытку «объяснить мир из человека», увидеть мир как нечто живое и осмысленное, нравственно ценное.) Однако большая часть тиража, как и опасался Брокгауз, пошла в макулатуру. Судьба первого издания главного труда (1819) глубоко разочаровала автора. Вплоть до начала 50-х гг. прошлого столетия создатель новой философской системы известен в Германии не столько как философ, сколько как сын писательницы Иоганны Шопенгауэр.

Вслед за провалом книги последовало фиаско в преподавательской деятельности. В 1820 г. Шопенгауэр занимает место доцента в Берлинском университете. Встреча с Гегелем в марте того же года при пробном чтении лекции – «О четырех различных видах причин» – послужила началом их продолжительной вражды. Гегель отнесся к Шопенгауэру с полным пренебрежением, последний же неустанно боролся против «шарлатана» (как он называл своего противника) и его «философии абсолютной бессмыслицы». Самонадеянно назначив время своих лекций на те же часы, что и у Гегеля, Шопенгауэр остался без слушателей.

Книга Шопенгауэра и в более поздние берлинские времена (1825–1831) остается незамеченной, новая попытка чтения лекций терпит провал, срываются и планы работы в других университетах.

Затем он бежит от холеры, жертвой которой суждено было стать Гегелю, и окончательно обосновывается во Франкфурте-на-Майне (1833). В это время появляются высказывания Шопенгауэра, в которых он противопоставляет себя своей эпохе. Философ живет лишь своим основным произведением, он пишет и объединяет дополнения ко второй части первого тома в самостоятельный текст, который выходит в 1836 г. под названием «О воле в природе».

Артур Шопенгауэр перешагнул рубеж своего пятидесятилетия, когда на его долю выпал первый успех. Конкурсная работа «О свободе человеческой воли» (1839) была удостоена премии Королевского норвежского научного общества, однако другая работа – «Об основании морали» (1840) – осталась незамеченной. Равным образом не привлекла внимания и книга, объединившая оба сочинения

по этике под одним названием «Две основные проблемы этики» (1841), такая же участь постигла дополнительный, второй том основного произведения (1844).

Жизненный горизонт мыслителя замыкается. Почти никаких новых знакомств и мест за последние 30 лет его жизни. Отвергнутый миром, он принципиально стоит в стороне от событий своего времени, не участвуя также и в текущей философской жизни – никак не реагируя на резонанс, вызванный именами Л. Фейербаха, Б. Бауэра, А. Руге, Д. Штрауса и других. В результате (особенно после событий революционного 1848 года, мнение о которых он выразил словом «бунт», назвав действия восставших «предательством по отношению к приобретенной с трудом безопасности») в революционной и «прогрессистски» настроенной среде складывается остро неприязненное отношение к Шопенгауэру: говорят о «бездеятельной созерцательности» его философии, о «враждебном прогрессу культуры и общества пессимизме», о «реакционности» и т.п. В конце концов его начинают воспринимать, в лучшем случае, как экстравагантного пришельца из XVIII столетия, а свойственная ему склонность к жестикуляции, к разговорам с самим собой, пудель, сопровождающий его в уединенных прогулках, нелюдимость и другие странности служат пищей для злословия и многочисленных анекдотов.

Шопенгауэр умер 21 сентября 1860 г. и похоронен на главном городском кладбище Франкфурта-на-Майне.

«Несвоевременный» мыслитель

Артур Шопенгауэр, как и его современники – представители послекантовского идеализма, претендовал на создание абсолютного мировоззрения, философии, способной дать решение проблемы бытия, разгадать его тайну, и обращался ко всему человечеству: «Не современникам, не соотечественникам – человечеству передаю я ныне законченный труд свой в уповании, что он не будет для него бесполезен...»¹.

И все же шопенгауэровская философия, находясь в русле основных духовных тенденций начала XIX столетия (в частности, обращаясь непосредственно ко всему человечеству), одновременно сознательно противостоит им. Под абсолютным мировоззрением Шопенгауэр понимает отнюдь не систематизирующую «научную» картину мира, как равным образом нет у него речи о поглощении жизни отдельного человека логически необходимым самодвижением «идеи». Хотя для него, как и для Фихте, Шеллинга, Гегеля, наисущественнейшее значение имеет преодоление противоположности между субъектом и объектом, идеальным и реальным, свободой и необходимостью, он считает, что обычно-

¹ Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. М., 2011. С. 8.

му человеку, не философу, для достижения этого нет никакой необходимости возвышаться до уровня философского мышления. «Великие истины рождаются в сердце», — повторяет вслед за Вовенаргом Шопенгауэр.

«Фихте... и все те, кто основывает этику, исходя из сочиняемой ими в муках мировой цели, требуют, чтобы люди каждый раз взбирались на самые высокие ступени их философствований для того, чтобы найти там мотивы для нравственных действий... Шопенгауэр же разрешает человеку прислушаться к своему сердцу...», — отмечал А. Швейцер в своей книге «Культура и этика».

В названии основного произведения Шопенгауэра — «Мир как воля и представление» — и в его содержании легко обнаруживаются основные темы кантовской, фихтевской и шеллинговской философии: противоположение «вещи в себе» явлению и учение о том, что мир — это только «представление» (то есть образ, создаваемый нашим сознанием), перенос центра тяжести философских проблем из теоретической сферы в область морали, учение о воле как сущности вещей. Но по сути Шопенгауэр приспособливает конструкции послекантовской философии (и учение самого Канта) к нуждам совершенно иного мировоззрения. Послекантовский немецкий идеализм выстраивает схему миропонимания, согласно которой деятельность мирового начала и благо человека в конечном счете совпадают; люди — дают они себе отчет в этом или нет — совместно осуществляют некий предуготованный, рационально постижимый план. Шопенгауэровская же «воля к жизни» как мировой принцип бессознательна и не имеет никакой разумной цели. Это «целеустремленность без цели», стремление злое и саморазрушительное, ненасытно алчущая и голодная агрессивность, и потому мир явлений, порождаемый волей, безысходен, не развивается, но обречен на бесконечное круговращение.

Шопенгауэр был первым европейским философом, предложившим этику абсолютного миро- и жизнеотрицания, что отражено в изобретенном самим мыслителем для определения сути своего учения термине «пессимизм» (от лат. *pessimus* — наихудший), выражающем негативное отношение к жизни, в которой невозможно счастье, торжествуют зло и бессмыслица.

Заключенный в шопенгауэровской этике мотив жизнеотрицания предвосхищает переживание предельного самоотчуждения человека (неизбывное чувство «тошноты» — Сартр), которое станет одним из доминирующих «интеллектуальных» унастроений XX в. и едва только предчувствуется в начале XIX столетия. Подытоживая восходящую и к Шопенгауэру тоже традицию осмысления факта самоутраты («смерти») человека, его одинокого противостояния устрашающим и слепым силам природы и неохватному массиву культуры в мире обезбоженном, лишенном иллюзорного «страхоубежища» (традиционной религии), мыслитель иной эпохи, Камю, в «Мифе о Сизифе» скажет, что в рамках данной

традиции предметом философской рефлексии является абсурд – «состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий и сердце впустую ищет утраченное звено»¹.

Исходная интуиция шопенгауэровской философии фиксирует бессвязность и противоречивость нашего опыта, но превращая «немыслимое», «вещь в себе» в предмет мысли, Шопенгауэр стремится отыскать в самом же опыте его иной, глубинный смысл, «всеединство». Шопенгауэровский пессимизм – это еще и моральная оценка, выражающая протест против предвидимого обесчеловечивания мира, моралистический проект спасения: по Шопенгауэру, именно ощущение самоутраты, вынужденности существования, задавленности естественных порывов и возникающее в связи с этим чувство вины – верный ориентир избавления от «воли к жизни», недвусмысленное указание на подлинную, идеальную значимость жизни и мира.

Именно таким образом – как протест против предельного обесчеловечивания общества и проект нравственного спасения – трактует в конце XIX в. шопенгауэровский волонтаризм Ф. Ницше, в ранних работах которого философия А. Шопенгауэра получает мощный сочувственный отклик. Шопенгауэр, по словам Ницше, был философским наставником «утерявших святость и подлинно обмирщенных людей»; пессимизм Шопенгауэра – «род отрицания... который есть... истечение могущественной жажды освящения и спасения жизни»².

Когда Шопенгауэр говорит: «Философия по своей природе исключительна, она обосновывает мирозерцание данной эпохи», – он подразумевает величайшую ответственность философа в выполнении им миссии по исправлению искажающего и отравляющего влияния этой эпохи на человека, ибо она обрекает последнего на «служение современности», превращая его в персонаж «громкого маскарада» – адвоката, врача, педагога, философа и т. д. Преодоление мыслителем своего времени тем более тяжело и ответственно, что осуществлять эту миссию приходится изнутри своего «железного времени», вопреки его неодолимому напору, уподобляемому Шопенгауэром «резкому восточному ветру, насквозь все пронизывающему и на всем оставляющему свой след» (Ницше). Отсюда, в частности, сознание Шопенгауэром исключительности своей философии, захваченность и замороженность абсолютной ее новизной, необычайностью и значимостью впервые ему открывшейся картины мира, а равным образом – чувство восхищения своим гением и озабоченности его судьбой. «...С помощью Шопенгауэра мы можем воспитаться в духе, противоположном нашему времени, потому что... благодаря ему мы действительно знаем наше время», – говорит

¹ Камю А. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1989. С. 22.

² Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1909. С. 213.

Ницше. По Ницше, глубинная причина неблагополучия современной ему эпохи — утрата европейским человеком соразмерности собственному невиданно выросшему социокультурному миру; в этом мире люди слишком «многосторонни и сложны» и «должны становиться нечестными, если хотя бы вообще говорить, утверждать что-либо и поступать согласно своим утверждениям». Исторически сложившаяся опустошенность культуры, лишенность ее человеческой цели и меры, того, что человек иных времен находил как некую естественную, предзаданность смысла своей жизни, приводит в качестве обратного эффекта к «выталкиванию» человека из социокультурного мира. Культуре и стремящемуся в нее войти человеку предписываются эгоизмом приобретателей, цеховыми интересами людей науки, государством, церковью, учебными заведениями внешние им цель и мера. Шопенгауэр, согласно ницшевской оценке, — мыслитель, впервые заявивший о необходимости отрицания фальши, условности и маскарада такой культуры и своим противостоянием всему этому, своим пониманием полной безнадежности самой сердцевины и основы всего этого, воли, перекинувшей мост к не существующей еще культуре, целью которой будет человек¹.

Шопенгауэр видит спасение «моралистически», с позиций абсолютизации нравственной свободы, или «этического идеализма» — в обращении к открытой для каждого и по отношению ко всему миру человечности, проявляющейся в чувстве вины и сострадания и способной преодолеть зло эгоистически замкнутого существования. Ницше поэтому в известный период «переоценки всех ценностей» отказывается от шопенгауэровской постановки вопроса о том, как говорил он сам в «Несвоевременных размышлениях», кто же «будет стражем и рыцарем человечности, этого накопленного на протяжении веков святого сокровища». Однако ориентация Шопенгауэра на спасительную силу морали, истолкование им сострадания как опыта всеобщей любви остается ценным духовным достоянием нашего времени, поскольку и сегодня мы живем в предельно обесмысленном, лишенном традиций, немилосердном мире. И потому нынче не столь уж парадоксальной, совсем не лишенной смысла выглядит шопенгауэровская установка на религиозное поведение без веры в Божество, его убежденность в наличии некоего не подвластного нашему произволу глубинного основания жизни, ставка на моральное освобождение человека от вещных зависимостей. Согласно Шопенгауэру только в самом человеке, в бездне человеческого неблагополучия и неизбывных страданий берет начало стремление к освобождению от подчинения бессмысленной «воли к жизни», а это освобождение и есть «высшее благо», единственное упование и надежда на преображение и «воскрешение» человека в человеке.

Александр Чанышев

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1909. С. 189, 205, 212 — 213, 227.

мир как воля
и представление

Шопенгауэр писал еще в период создания своего труда: «У меня под руками, а скорее в моей душе, растет произведение, некая философия, в которой этика и метафизика должны слиться воедино... я пишу, не заботясь о том, каким образом это войдет в состав целого: ведь я знаю, все это возникло из единого основания. Таким образом возникает органическое целое, а только оно и может жить».

Логика построения шопенгауэровской философии представляет собой особый тип целостности мышления, который назван им *органическим*, так как, по словам самого философа, в его создании каждая часть поддерживает целое настолько же, насколько она сама поддерживается им, и не может быть понята, если заранее не понята целое, — в противоположность *архитектоническому* целому, в котором одна часть поддерживает другую, но не поддерживается ею¹. Данный тип единства мысли согласно Шопенгауэру соответствует задаче воспроизведения в философском опыте сущностного единства мира. Задача построения такого рода мировоззренческого опыта и определила, собственно, характер творческого развития мыслителя. Сначала он создает законченный труд, исчерпывающим образом выражающий обретенную им истину, которой он спешит поделиться с миром, — одну-единственную мысль (имеющую различные проекции: теоретико-познавательную, натурфилософскую, эстетическую и этическую), а затем создает многочисленные дополнения, в том числе и второй том основного произведения.

В «систематически» развернутом виде эта единственная мысль, отмечающая центральную составляющую шопенгауэровской философии — *мир есть воля*, — кратко может быть выражена следующим образом.

Теория познания и натурфилософия. Мир согласно Шопенгауэру — это «представление»², априорные формы которого — пространство, время, причинность. «Мир как представление» раздваивается на соотносительные субъект и объект, но у них одна внутренняя сущность — воля: она проявляется и в слепо действующем

¹ Под *архитектоническим* в данном случае можно подразумевать формально-логическую связь частей и моментов здания теории как завершенного *целого*, которое имеет «пирамидальную» структуру, как, например, в случае аксиоматически-дедуктивного построения геометрии Евклида (служившей образцом для философски-рационалистических построений Нового времени). Здесь из основоположений, или аксиом, выводятся все возможные следствия, образуя непротиворечивую, иерархически упорядоченную систему суждений в рамках единой теории. В *органическом же целом* главенствует мировоззренческое начало. Здесь каждый элемент равноприближен к «центру» и равноудален от него, а начало (единое) постигается непосредственно-интуитивно, из наглядного опыта, и только затем получает логическое (теоретико-познавательное, натурфилософское, эстетическое и этическое) «облачение» и обоснование.

² *Представление* — наглядный образ, возникающий на основе чувственного восприятия предмета или явления, который затем может воспроизводиться и без непосредственно-го воздействия этого предмета на органы чувств.

щей силе природы, и в обдуманной деятельности человека (разум — инструмент воли). Как «вещь в себе» она едина и лежит вне сферы действия необходимости; внешние же обнаружения воли, включенные в бесконечную цепь причин и следствий, — ее «объективации». Каждой объективации свойственно стремление к абсолютному господству. Мир в целом, природа — вечное бесцельное становление, область вынужденного действия мощных, но слепых сил; вечно голодная, не знающая удовлетворения воля — «целесообразность без цели».

Смысл эстетического творчества и морального освобождения. В обществе, как и в живой природе, воля проявляется в качестве «воли к жизни» — источника животных инстинктов и бесконечного эгоизма человека: всякий осознает себя всей волей к жизни, тогда как все прочие индивиды существуют в его представлении как нечто от него зависящее, что выражается в непрерывной «войне всех против всех». Государство не уничтожает эгоизма, будучи лишь системой сбалансированных частных волей. Преодоление естественных импульсов происходит в сфере искусства и морали. Искусство основано на способности «незаинтересованного созерцания» идей — «адекватных объективаций воли»¹. Эстетическая способность уже вырывает нас из потока времени и других отношений. Итоговая позиция Шопенгауэра такова: мир остается неизменным в своих негативных характеристиках (Шопенгауэр — в противовес Лейбницу — называл существующий мир «наихудшим из возможных», а свое учение — «пессимизмом»), но преисполненная страданий жизнь в мире имеет испугательный смысл. Страдание — «наказание» за «первородный грех», вина эгоцентричного существования, которому, как уже было сказано, свойствен беспредельный эгоизм. Данный смысл, однако, проявляется не как судьба или предопределение, а открывается только в личном опыте сострадания, означающем ликвидацию иллюзорной границы между «я» и «не я» и тем самым — «обращение» воли, переворот в самом бытии.

¹ Шопенгауэровская *воля* в качестве мирового начала двойственна, предстает в двух ипостасях. С одной стороны, она — *воля к жизни*, не имеющее удовлетворения стремление, разветвляющееся в бесчисленном множестве явлений, или *объективаций*, в бесконечности пространства, времени, цепи причин и следствий — *целестремленность без цели*. С другой, как *воля в себе*, она едина, целостна, пребывает вне времени и пространства, не подчинена причинно-следственной необходимости (причем философ никак не объясняет, почему едина в себе воля дробится на множество объективаций). Поэтому-то Шопенгауэр и считает *адекватной объективацией* воли *платоновскую идею* — умопостигаемую форму, существующую отдельно от единичных вещей, которые к ней «причастны», объект достоверного знания; она (идея) — своеобразный внутренний смысловой контур, всегда остающаяся неизменной структура явления, которая делает всякую вещь самой собой на протяжении всего ее существования; если последнее (явление, вещь) погружено в поток становления, то идея «пребывает», будучи неподвластной времени, пространству, причинности (тому, что Шопенгауэр называет «принципами индивидуации»): как *единое* в противовес многому идея и выражает *адекватно* сущностное единство воли в себе..

Том первый

Предисловие к первому изданию (Дрезден. Август 1818 г.)

...Философия *Канта* – единственное, основательное знакомство с которой предполагается в настоящем изложении. Но если, кроме того, читатель провел еще некоторое время в школе божественного *Платона*, то он тем лучше будет подготовлен и восприимчив к моей речи. А если он испытал еще благодетельное воздействие *Вед*, доступ к которым, открытый *Упанишадами*, является в моих глазах величайшим преимуществом, каким отмечено наше юное еще столетие сравнительно с предыдущими, ибо я убежден, что влияние санскритской литературы будет не менее глубоко, чем в XV в. было возрождение греческой, если, говорю я, читатель сподобился еще посвящения в древнюю индийскую мудрость и чутко воспринял ее, то он наилучшим образом подготовлен слушать все то, что я поведаю ему.

Веды (знание, *санскрит*.) – сборник священных текстов индуизма, знание, которое передавалось в форме устной традиции мудрецами от начала времен в форме гимнов, жреческих и магических формул (мантр), а затем было кодифицировано и поделено на четыре Веды: *Ригведа* – «Веда гимнов»; *Яджурведа* – «Веда жертвенных формул»; *Самаведа* – «Веда песнопений»; *Атхарваведа* – «Веда заклинаний». К ним были добавлены комментарии различных ведийских школ, *Брахманы*, а также философские трактаты – *Араньяки* и *Упанишады*.

Упанишады – часть *Вед*, в которой рассматривается самое их существо (поэтому часто Упанишады называют также *Веданта*, т.е. завершение Веды) – система древнеиндийской религиозно-философской мысли, основанная на представлении о достижении в процессе познания тождества абсолютного духовного начала (Брахмана) с индивидуальной душой (Атманом), что предполагает ряд условий: осознание различий между вечным и не вечным бытием, отказ от материального воздаяния в этой и будущей